

Сяо Линь заворуженно смотрел на него. Потрясающий, ослепительно красивый... Этот омега его погубит.

Сяо Линь потянулся за продолжением поцелуя, но омега не позволил. Щенок даже растерялся. Лишь когда Цинь Шэнсюэ вложил ему в ладонь еще один дротик, до парня дошло: его избранник действительно требует ответного броска.

Сяо Линь перевел взгляд с дротика, торчащего точно в яблочке, на зажатое в собственной руке оружие. В голове у него творился полнейший хаос.

"Кому вообще придет в голову метать дротики в такой момент?.."

Но Цинь Шэнсюэ поторопил:

— Бросай же.

— Но... зачем? — запнулся Сяо Линь.

Генерал Цинь смерил его царственным взглядом сверху вниз:

— Руки дрожат, а тренироваться не хочешь? Посмотри на меня. Разве я дрожу?

Сяо Линь промолчал.

Взглянув в эти подернутые влажной дымкой глаза, он внезапно всё понял.

"Ах... вот оно что."

Только что он сам самодовольно красовался своими скромными успехами, и омега тут же решил продемонстрировать ему, как выглядит истинное мастерство.

Это открытие ошеломило Сяо Линя. Теперь, глядя на Цинь Шэнсюэ, он видел не просто грозного воина, но и кого-то невероятно трогательного в своем упрямстве. До чего же мило... Это неистовое стремление во всем быть первым разжигало в нем такое желание, с которым невозможно было совладать.

Дыхание Сяо Линя давно сбилось. Когда любимый омега восседает прямо на тебе, сохранить хладнокровие невозможно — хотелось лишь стиснуть его в объятиях и никогда не отпустить.

Дротик, который в обычных условиях вонзился бы точно в центр мишени, сейчас казался чужим и непослушным. Сяо Линь пытался заставить себя сосредоточиться, приказать телу не двигаться, но мягкое, податливое тело омеги прижималось слишком близко. Против такого

искушения не устоял бы и святой, а Сяо Линь был самым обычным альфой.

Рука Сяо Линя скользнула по пояснице омеги, лаская нежную, шелковистую кожу. Взгляд против воли опустился ниже — туда, где обычно плоский живот сейчас едва заметно округлился. Невероятно...

В такой момент отвлечься от жены и навести прицел на мишень было непосильной задачей. Чем сильнее Сяо Линь старался сосредоточиться, тем острее воспринимал Цинь Шэнсюэ: его пьянящий аромат, едва заметные вздрагивания тела, выступившую на ключицах испарину. Мысли двоились. В итоге дротик полетел в цель лишь благодаря мышечной памяти, едва зацепив край мишени.

Мишень была совсем крошечной, и Сяо Линь действительно выложился на пределе возможностей. Едва дротик сорвался с пальцев, он понял — промазал. Так оно и вышло.

Цинь Шэнсюэ тихо, торжествующе хмыкнул. Сяо Линь смутился, чувствуя, как к лицу приливает жар, но сдаваться не собирался:

— Дай я попробую еще раз.

Омега, заранее прихвативший целую горсть дротиков, протянул ему следующий.

В этот раз Сяо Линь приложил все силы. Он вперился взглядом в мишень, не смея даже мельком глянуть на Цинь Шэнсюэ. Он подавил в себе желание потереться о податливое тело, затаил дыхание и попытался воскресить в памяти привычные движения рук на стрельбище.

Генерал Цинь с улыбкой наблюдал, как его песик борется с собой. На лбу альфы выступили крупные капли пота, а красивое лицо напряглось. Тело Сяо Линя под ним натянулось, словно струна.

В самый момент броска Цинь Шэнсюэ коварно качнул бедрами. Сяо Линь вздрогнул от неожиданности, рука дрогнула, и дротик, даже не задев щит, жалобно звякнул об пол.

Сяо Линь уставился на омегу своими изумрудными глазами, а тот лишь лукаво склонил голову набок и прищурился:

— Слабовато.

Сяо Линь едва не завыл от сладкой муки. Он так отчаянно боролся за контроль, думал, что справится, но коварство любимого разрушило всю оборону. Обида смешалась с диким, первобытным вожделением. Сдерживаться больше не было сил. Альфа сорвался с цепи.

В голове словно разорвался ослепительный фейерверк. Вся сдерживаемая мощь альфы вырвалась наружу, обрушиваясь на хрупкого омегу сокрушительной волной страсти. Цинь

Шэнсюэ вздрогнул, не в силах сдержать дрожь от переполнившего его острого удовольствия. На его лбу пролегла складка, ресницы намокли от выступивших слез, а приоткрытые влажные губы выпустили тихий хриплый стон, от которого у Сяо Линя окончательно помутился разум.

Но даже в таком состоянии Цинь Шэнсюэ оставался собой. На глазах у изумленного Сяо Линя он вскинул руку и не глядя метнул очередной дротик. Тот со свистом рассек воздух и послушно вонзился точнехонько в яблочко.

Зеленые глаза омеги торжествующе блеснули, словно говоря: «Видишь? Даже так я не промахиваюсь».

Вся прошлая уловка омеги теперь казалась детской шалостью. Цинь Шэнсюэ двигался плавно, уверенно укрощая ритм их тел, ни на секунду не теряя контроля над собой.

"Как ему это удастся?.."

Сяо Линь таял от восторга. В этом властном, безупречном генерале скрывался упрямый, почти по-детски азартный ребенок, и эта грань характера делала Цинь Шэнсюэ еще более притягательным. Сяо Линь погружался в это чувство без остатка, готовый утонуть в нем навсегда.

Прижав омегу к себе, он покрывал поцелуями его пылающие щеки и шептал:

— А-Сюэ... какой же ты невероятный.

Цинь Шэнсюэ самодовольно прищурился: а как иначе?

Сяо Линь, чутко улавливая его настроение, сообразил, как нужно действовать дальше. Он нашел ключ к этому гордому сердцу.

Но не успел омега насладиться триумфом, как Сяо Линь сменил тактику. Концентрированные феромоны альфы хлынули новой волной, одурманивая разум. После долгого воздержания тело Цинь Шэнсюэ оказалось куда более чувствительным, чем он ожидал — его дыхание мгновенно сбилось.

Он насторожился, заподозрив, что песик решит взять реванш, но в следующую секунду Сяо Линь прильнул к его уху, обжигая горячим дыханием мочку:

— Невероятный... Ты просто идеален во всем.

Цинь Шэнсюэ удивленно распахнул глаза. Ого. Песик заговорил на языке соблазна?

Сяо Линь сам смутился от собственной смелости — уши его предательски покраснели, — но

отступать не пожелал.

— Я так сильно тебя люблю... — прошептал он.

Цинь Шэнсюэ лишь усмехнулся про себя.

"И это ты называешь «невероятным»? Ну погоди, это только начало."

Теперь дело было не в простом соперничестве.

Цинь Шэнсюэ знал сотни способов свести своего альфу с ума. Кто вообще пустил слух, будто в искусстве любви одарены лишь альфы? Глупости.

Когда Цинь Шэнсюэ действительно этого хотел, он превосходил любого мастера.

Сяо Линь думал, что и так отдал бы за этого омегу жизнь, но реальность превзошла все его ожидания.

Каждая мышца в теле альфы натянулась до предела. Ощущения стали настолько острыми, что граничили с болью. Ему хотелось продлить это мгновение, впитать в себя каждую деталь.

Сдержанные поцелуи сменились безумным, жадным натиском. Альфу охватило дикое, собственническое желание раствориться в нем, поглотить целиком, сделать частью себя. Сделать только своим. И ничьим больше.

Одурманенный сладким ароматом омеги, Сяо Линь терял рассудок. Он не желал останавливаться. В глубине его души метался отчаянный, мучительный вопрос, который он не осмеливался озвучить.

"Хорош ли я для него? Достаточно ли хорош? Лучший ли?"

Эти невысказанные сомнения жгли его изнутри.

"Дарит ли он мне эти ласки потому, что действительно хочет меня? Счастлив ли он со мной так, как никто другой не смог бы его осчастливить?"

Свою глухую ревность к прошлому он сублимировал в неистовые, мощные движения. Пусть Цинь Шэнсюэ почувствует всю его силу. Сегодня он выложится без остатка.

Омеге это безумство пришлось по вкусу. Да, Цинь Шэнсюэ обожал доминировать, но когда его сильный альфа брал инициативу в свои руки, кто получал от этого самое чистое, ничем не

разбавленное удовольствие? Разумеется, он сам.

Когда Сяо Линь вновь потянулся к его шее, омега послушно откинул голову, подставляя чувствительную железу под острые клыки.

Блаженство накрыло их лавиной. Сознание уплывало, растворяясь в концентрированных потоках феромонов. Разум капитулировал перед инстинктами, оставляя лишь чистую, незамутненную жажду наслаждения.

Прикрыв глаза, Цинь Шэнсюэ почувствовал, что Сяо Линь тоже подошел к своему пределу. Омега расслабился, полностью раскрываясь навстречу партнеру. Он истосковался по этой близости. Одних лишь укусов в шею было мало, чтобы утолить этот древний, голодный зуд в крови.

Однако реальность преподнесла ему шокирующий сюрприз.

Цинь Шэнсюэ резко распахнул глаза. Зрачки его расширились от потрясения, а в горле застрял безмолвный крик изумления.

Покрытый испариной Сяо Линь сам не понимал, что с ним происходит. Переизбыток эндорфинов выжег остатки мыслей. Внутри него рвался наружу дикий, неуправляемый импульс.

Цинь Шэнсюэ почувствовал происходящие с альфой перемены, и у него перехватило дыхание. Хотелось кричать, но из горла вырывался лишь беззвучный выдох. Сердца обоих колотились в едином, бешеном ритме.

"Как такое возможно?.."

Омегу заколотило в неудержимой дрожи. Человек, не знавший страха на поле боя, сейчас ощутил липкий, первобытный испуг. Ему показалось, что его тело просто не выдержит такого натиска и сломается.

Альфы...

Оказалось, они куда опаснее и свирепее, чем он думал.

Даже послушный, ласковый песик, которого он, казалось, полностью приручил, в постели мог обернуться ненасытным хищником.

Они ведь не провели пожизненную маркировку! И репродуктивная полость оставалась закрытой!

Но Сяо Линь... сформировал узел.

Это шло вразрез со всеми законами биологии. Цинь Шэнсюэ на миг усомнился в собственном рассудке — неужели он настолько часто прогуливал лекции в академии, что упустил этот факт?

Разве альфа способен сформировать узел без полной маркировки партнера?

О таком он никогда не слышал.

Этого просто не должно было случиться. Без маркировки стимуляция физически не могла достигнуть нужного порога, а взаимный обмен феромонами не должен был запустить подобную реакцию. В чем же дело? В его уникальном аромате королевской фрезии? Или его верный пес слишком долго воздерживался?

Мысли Цинь Шэнсюэ путались, сознание окончательно угасало. Сяо Линь, повинувшись первобытным инстинктам, намертво впился зубами в железу омеги, не желая отпустить. Природная потребность заявить права на пару полностью подчинила его волю.

Сяо Линю казалось, что они вернулись в день их первой встречи. Омега в его руках вновь стал мягким, беззащитным и полностью зависимым. Возникло иллюзорное, щемящее чувство, будто этот прекрасный мужчина навсегда останется в его объятиях и больше никогда не уйдет.

Время потеряло значение. Сяо Линь даже не запомнил, как именно все завершилось.

Когда к Сяо Линю наконец вернулась способность рассуждать, ему показалось, будто он пережил клиническую смерть.

Умер от невыносимого, ослепительного блаженства.

Сердце безумно колотилось в груди, дыхание никак не приходило в норму. Пытаясь вдохнуть побольше воздуха, он неохотно разжал челюсти и отпустил шею омеги.

Но стоило ему взглянуть на Цинь Шэнсюэ, как дыхание снова перехватило.

Он никогда не видел своего командира таким.

Взгляд омеги был затуманен и расфокусирован, у ресниц блестели крошечные слезинки, а бледная обычно кожа покрылась густым, лихорадочным румянцем. Цинь Шэнсюэ казался совершенно обессиленным и дезориентированным.

Сяо Линь наивно полагал, что после пережитого шквала страсти его голод утихнет.

Но глядя на истомленного Цинь Шэнсюэ, он с пугающей ясностью осознал: этого никогда не будет достаточно. Разве можно насытиться таким омегой? Владеть Цинь Шэнсюэ — его телом, его душой — хотелось вечно. Это была бездонная пропасть, ненасытная жажда, которую невозможно утолить.

Ему хотелось забрать этого человека себе целиком. Чтобы эти глаза смотрели только на него одного.

Цинь Шэнсюэ медленно приходил в себя под воздействием мощного гормонального коктейля, хлынувшего в его кровь после формирования узла. С подобным опытом он столкнулся впервые в жизни, и его организм отчаянно пытался справиться с перегрузкой.

Связь с альфой зашла куда дальше, чем он планировал.

Пожалуй, это был перебор.

Однако стоило ему уловить новое робкое движение Сяо Линя, как Цинь Шэнсюэ, поразмыслив ровно секунду, приоткрыл глаза и честно потребовал:

— Еще.

Сегодня он победил, он здесь генерал. Почему бы не взять заслуженный трофей в двойном размере?

Генерал Цинь не жаловался на здоровье и выносливость, так что продолжение банкета его ничуть не пугало.

Услышав призыв своего омеги, Сяо Линь не колебался ни секунды. Все закрутилось по новой.

Когда Цинь Шэнсюэ наконец бесшумно выскользнул через окно, на востоке уже брезжил рассвет.

Инструктор Цинь мысленно выругался. Переборщил. Слишком уж он увлекся дрессировкой своего щенка — незаметно пролетела вся ночь!

Утром Шу Янь при встрече лишь покачал головой и насмешливо зацокал языком:

— Либо голодаешь неделями, либо набиваешь брюхо до отвала. Ну и привычки у тебя, дорогой мой.

Генерал Цинь, сытый и невероятно довольный, лениво отмахнулся:

— Не твое дело.

Шу Янь заметил, что после бурной ночи характер друга заметно смягчился. Доктор довольно усмехнулся: судя по всему, свидание удалось на славу — показатели активности омеги зашкаливали до самого утра.

Но важнее всего было то, что к утреннему осмотру все жизненные параметры Цинь Шэнсюэ стабилизировались и пришли в абсолютную норму. Шу Янь искренне радовался за друга: его организм восстанавливался рекордными темпами.

Немного помолчав, Цинь Шэнсюэ как бы невзначай спросил:

— Слушай, а при каких условиях у альфы формируется узел?

Шу Янь в этот момент с интересом изучал принесенный другу завтрак, высматривая деликатесы повкуснее. Он небрежно ответил:

— Ну как... Обычно после маркировки, если процесс идет достаточно интенсивно...

Требуется стимуляция репродуктивной полости, чтобы организм альфы достиг нужного порога.

Доктор Шу внезапно замер с занесенной над тарелкой вилкой. Он медленно поднял голову, глядя на Цинь Шэнсюэ круглыми от изумления глазами.

Омега молча подтвердил его догадку:

— Полной маркировки не было. Но узел сформировался.

Челюсть Шу Яня с глухим стуком отвисла. Он долго хватал ртом воздух, прежде чем выдавить:

— Ну ты... Ну ты даешь... Да тебя там просто разорвать должно было от удовольствия!

Генерал Цинь мысленно согласился с этим утверждением, но вслух произнес с самым невозмутимым видом:

— Вполне терпимо.

Шу Янь едва не задохнулся от такого пафоса.

Ради такого дела доктор Шу мгновенно забыл про все свои диеты и правила здорового питания. Он бесцеремонно придвинул к себе тарелку Цинь Шэнсюэ и принялся яростно уплетать его

завтрак, тщетно пытаясь переварить услышанное. Это ломало все медицинские каноны! Зачем он вообще тратил годы на учебу в медицинском институте, если природа выкидывает такие фортели?

"Это какая-то аномалия! Точно говорю, аномалия!"

Пока эти двое наслаждались роскошным завтраком, Сяо Линь до седьмого пота вкалывал на плацу. Будни курсантов Первой военной академии состояли не только из ночных утех — суровые тренировки никто не отменял.

Изнурительные физические нагрузки выжимали из парня все соки, но по-настоящему его подкосило другое воспоминание. Ранним утром он, преодолевая усталость, на руках отнес своего ненаглядного омегу в душ. После всех процедур Сяо Линь уже чувствовал себя героем и победителем... как вдруг его нежный, сонный супруг, только что безвольно льнувший к его груди, бодро вскочил на ноги и легким, профессиональным движением выпрыгнул в окно третьего этажа.

Вспоминать об этом без душевной боли Сяо Линь просто не мог. Его мужское эго было растоптано.

Только к середине тренировки Сяо Линь заметил, что не он один витает в облаках — его однокурсники тоже бежали с заторможенным и потерянным видом.

Дежурный инструктор орал во всю глотку:

— Быстрее, сонные мухи! Вы что, всю ночь вагоны разгружали?! А ну прибавить ходу! Живее!

Сяо Линь стиснул зубы и рванул вперед. Юджин бежал следом, но двигался чисто механически, словно зомби.

Оглядевшись, Сяо Линь понял, что у половины отряда лица были бледными и траурными. Расспрашивать товарищей на бегу было некогда, поэтому он приберег вопросы на потом.

Когда прозвучала команда «вольно», Сяо Линь, едва дыша от усталости, заставил себя не падать на траву, а медленно ходить по кругу, восстанавливая дыхание. Наконец он подошел к Юджину:

— Парни, да что с вами стряслось?

Юджин уныло поднял на него глаза:

— Ты что, не читал мое сообщение?

Сяо Линь промолчал.

Какое там сообщение? Он всю ночь укрощал строптивого омегу, поспал от силы полчаса перед подъемом — некогда ему было в терминал паяться.

Сяо Линь активировал интерфейс связи. Выскочившее перед глазами сообщение друга нанесло ему сокрушительный удар в паре с унылым голосом самого Юджина, вещавшего над ухом.

[Юджин: А-а-а-а! Инструктора Циня повысили до генерал-майора! Похоже, его переводят из нашей академии!!!]

— Без инструктора Циня учеба здесь вообще теряет всякий смысл... — захныкал Юджин.

Стоило Юджину озвучить эту мысль, как по плацу разнеслись скорбные завывания остальных курсантов.

Инструкторы, еще не успевшие покинуть поле, только закатывали глаза. Паршивцы неблагодарные! А как же остальные преподаватели? Нас они, значит, за людей не считают?!

Сяо Линь почувствовал, как сердце ухнуло куда-то в пятки.

"Он уходит? Но почему он ничего мне не сказал?"

Каждая секунда промедления казалась пыткой. Бросив командиру дежурную отговорку, что ему нужно отлучиться в уборную, Сяо Линь заперся в кабинке и дрожащими пальцами набрал номер Цинь Шэнсюэ.

— Перевод? — удивленно переспросил Цинь Шэнсюэ на том конце провода. — С чего бы мне уходить?

Генерал презрительно фыркнул:

— По первому свистку отправлять меня туда-сюда? Много чести. На каком основании?

Начальник адъютантов Марк, стоявший рядом с командиром, растерянно моргнул. Что за капризы? Сам же плевался от этой работы!

— Но... господин генерал, — осторожно подал голос Марк, — вы ведь сами выражали крайнее недовольство этим назначением. Перевод в штаб — отличная возможность вернуться. Разве нет?

Генерал Цинь высокомерно вздернул подбородок:

— Мое недовольство было лишь способом осадить тех старых маразматиков из верховного командования, чтобы они не зарывались. Это никак не связано с моим реальным желанием

уйти.

Они действительно думали, будто загнали его в угол и заставили пойти на компромисс? Наивные.

Да, поначалу он злился, но злился из-за того, что совет старейшин заблокировал его законное продвижение по службе. Сама же работа в академии его вполне устраивала.

Омега хитро прищурился:

— Я теперь генерал. И мне не нужен пустой штаб без верных офицеров.

Ему требовалось вырастить собственную гвардию. Когда в будущем он займет кресло маршала, не выполнять же всю черную работу самому? Слишком много чести для его врагов.

Поначалу он планировал просто переманить под свое крыло пару толковых офицеров из старого состава. Но недавние события наглядно показали: гораздо надежнее вырастить преданных людей с нуля, воспитав их под себя.

"Что, господа сенаторы, наконец-то осознали мою ценность? И мир снова закрутился вокруг меня?" — Цинь Шэнсюэ иронично усмехнулся. В будущем его ждали еще более великие свершения.

Пусть локти кусают. Когда он приберет к рукам этих талантливых щенков, жаловаться будет поздно.

Марк, поймав кроваважидный блеск в глазах своего начальника, невольно втянул голову в плечи. Жуткий человек. Настоящее чудовище.

Заметив входящий запрос от Сяо Линя, Цинь Шэнсюэ решил помучить своего любимца. Вместо ответа на прямой вопрос он отправил язвительное сообщение:

[Цинь Шэнсюэ: Еще держишься на ногах? Колени не подгибаются?]

Сяо Линь, чье сердце готово было выпрыгнуть из груди, опешил от такой бессердечности. Тем не менее, он мгновенно настроил ответ:

[Сяо Линь: Я в полной норме. Ты действительно уходишь из академии?]

Цинь Шэнсюэ задумчиво подпер подбородок ладонью, глядя на экран терминала. Как лучше ответить? Успокоить парня сразу или немного помучить?

Если сказать правду, Сяо Линь обрадуется. Но облегчение достанется ему слишком легко.

Генерал Цинь мысленно признал, что характер у него прескверный — его так и подмывало в очередной раз поиздеваться над преданным псом.

Марк, собиравшийся уточнить детали официального ответа для штаба, вовремя заметил эту хищную улыбку на лице своего командира. Сжавшись от дурного предчувствия, адъютант тихонько попятился к выходу, стараясь не привлекать к себе внимания.

<http://bllate.org/book/18348/1764427>